

В.В. Тумайкина

Вопрос о китайских эмигрантах, пришедших на территорию Семиречья во второй половине XIX в.

Ключевые слова: российская приграничная администрация, китайские эмигранты, русско-китайские отношения, Синьцзян, военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский, генерал-губернатор Туркестанского края К.П. фон Кауфман, Семиречье, мусульманское восстание, Кульджинский район, китайские войска.

Keywords: Chinese emigrants, Peking government, Semirechie, «Ily crisis».

Одним из актуальных вопросов в деятельности российской приграничной администрации явилось размещение и обустройство беженцев из Синьцзяна, в частности китайских эмигрантов. Эта тема представляет собой объемный пласт в изучении истории русско-китайских отношений и состоит из множества элементов. Автор считает целесообразным сделать акцент на таких сторонах проблемы, как процесс принятия русскими пограничными властями китайских эмигрантов, отношение китайских властей к данной ситуации, надежды и пожелания самих эмигрантов в сложившихся обстоятельствах, дальнейшие действия пекинского правительства по отношению к эмигрантам. Также мы рассмотрим позицию военного губернатора Семиреченской области Герасима Алексеевича Колпаковского.

Случаи массового переселения в Россию из западного Китая представителей немусульманских групп населения не были единичными. Главной причиной бегства в 60-х гг. XIX в. стали массовые убийства восставшими мусульманами немусульманских народов, представлявших в регионе власть Цинской династии. В 1864 г. четыре роты дауров бежали из Хоргоса на Борохудзир под защиту русских. Солонгий *ухэрида* Чишань после взятия таранчами Хуйюаньчэна бежал с Тургеня в Борохудзир, туда же бежали солоньи из Чичикана и Тургеня. После взятия Кульджи дунгане за трое суток вырезали 20 тысяч человек, в Чугучаке сложилась аналогичная ситуация. Современник данных событий писал: «Пограничные к нашим пределам китайцы и калмыки убежали в Киргизскую степь Сибирского ведомства, где, проскитавшись более двух месяцев, истощенные и изнуренные, в рубище и лохмотьях, с растреснувшею кожей от жару, поту и пыли, с начала весны стали прибывать в станицы и передовые посты в Копальском и Алатавском округах...» [1, с. 17]. Позднее к оседлому русскому населению этих округов прикочевали более зажиточные калмыки со скотом. В первую волну вышло в Россию около 5 тыс. человек. С осени 1865 г. начинается вторая,

более многочисленная волна беженцев из Китая. В 1865 и 1866 гг. в пределы России, только в Алатавский и Копальский округа из Китая перешло более 15 тыс. беженцев [1, с. 17].

На российские пограничные власти легла тяжелая задача по приему, защите и обустройству беженцев. Необходимо было определить свободное место для поселения данных эмигрантов без притеснения остальных жителей России, узнать сроки их пребывания в российских пределах (временное пребывание или постоянное с принятием в подданство), найти средства для их обустройства, защищать их от нападений со стороны враждебно настроенных повстанцев на приграничных территориях и т.д. Если положение калмыков было вполне удовлетворительным (они были обеспечены жильем и одеждой), то у сибиряков и солонгов оно было просто катастрофическим. Так, в документах отмечается: «Одни в лохмотьях, а другие совершенно без одежды. И те и другие не имеют крова и требуют пищи» [2, с. 87]. Маньчжурские чиновники, вышедшие из районов Китая, охваченных мусульманским восстанием, а также приехавшие из Пекина через Усть-Каменогорск, остановились в Копале и Лепсинской станице, но летом 1866 г. они уехали через Кобдо в пределы Цинской империи. В помощь пограничным властям в 60-х гг. в Семиречье был создан «Комитет, учрежденный для призрения вообще всех китайских подданных, вышедших по несчастию в наши пределы» [1, с. 18]. Видимо, в дальнейшем количество этих комитетов увеличилось. В состав таких комитетов входили и бежавшие в пределы России цинские чиновники. Комитеты должны были вести учет прибытия и убытия людей, размещать их, контролировать получение и расходование продуктов и денег и прочее [2, с. 87].

По указанию из Пекина кульджинский хэбэй-амбань, сопровождаемый 130 маньчжурами, летом 1866 г. отправился в Кобдо. Одновременно в июле из Семипалатинска в Кобдо выступил и казенный китайский караван с серебром. Этот караван шел в Кульджу, но после взятия крепости инсургентами остановился в Семипалатинске [2, с. 87]. Этот переход еще более осложнил положение беженцев. Военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский сообщал исполняющему обязанности генерал-губернатора Западной Сибири Кройерсу в своем письме от 2 сентября 1866 г.: «Люди обоих полов, с детьми, в рубищах, изнемогающих под тя-

жестью собственного скарба, плетутся под открытым небом с твердою надеждою, что правительство наше позаботится об устройстве и прокормлении их. Все они, за самым незначительным исключением, требуют крова, одежды и пищи. Первых кое-как устроят сами, на приобретение же одежды необходимо выдать деньги, а для продовольствия купить хлеба» [2, с. 87]. Кульджинский амбань из имеющихся в Копале запасов китайского серебра выдал всего по 40 коп. на человека. Этих денег было недостаточно. Колпаковский просил разрешения о выдаче эмигрантам по одному пуду муки в месяц на каждого взрослого и по 20 фунтов на каждого ребенка. По мнению Семиреченского военного губернатора, необходимо было выдать это количество хлеба из казенных провиантских магазинов с 1 октября 1866 г. по 15 июня 1867 г., т.е. до времени появления урожая овощей. Кроме того, для приобретения одежды необходимо было как минимум 2/3 беженцев выдать по 6 руб. Все это обошлось бы казне в 24055 руб. В случае возвращения беженцев на свое прежнее местожительство после подавления восстания в Синьцзяне предполагалось взыскать эту сумму с китайского правительства [2, с. 88].

Командующий западносибирскими войсками генерал от инфантерии А. Дюгамель сообщал вице-канцлеру в своем письме от 16 ноября 1866 г. о прибытии китайских эмигрантов в числе 3695 человек в пределы Российской империи. В связи с этим он предлагал для покрытия издержек по оказанию помощи этим людям оставить определенную сумму китайского серебра, находящегося в Копале, за собой. С этой целью А. Дюгамель предложил военному губернатору Семипалатинской области не выпускать китайское серебро из Копала за границу до тех пор, пока не будет получен ответ со стороны пекинского правительства. Однако предложение это было отклонено русским посланником в Пекине, который писал, что задерживать китайское серебро неудобно, и что когда будет известно о сумме расходов, правительство Китая заплатит «особо» [3, с. 167–168].

Почти все беженцы первоначально намеревались вернуться в Китай, но некоторые из них, более тысячи человек, заявили о желании принять российское подданство и православие [1, с. 2]. Россия была заинтересована в увеличении своего влияния в регионе, не связанного с местным мусульманским элементом. Кроме того, в крае почти отсутствовало земледельческое население. Таким образом, безопасная колонизация китайцами, перешедшими в Семиреченский край, представлялась русскому правительству наиболее удобной. Хорошо знакомый с ситуацией военный губернатор Семиреченской области Г.А. Колпаковский в своем рапорте генерал-губернатору Туркестанского края 19 февраля 1868 г. сообщал, что лидер солонов Ильгидай явился к нему и объявил о невозможности следования всех солонов и сибо в Улясутай. По словам

Ильгидай, сибо и солоны, проживающие в урочище Тучурек, а также и поместившиеся вблизи Борохудзирского отряда на правой стороне р. Тургеня, не смогут осуществить данное указание пекинского правительства даже при получении пособия. Этого пособия было недостаточно для того, чтобы целыми семьями пройти такое огромное расстояние. В связи с этим представитель солонов просил разрешения остаться временно в России, а с восстановлением в Синьцзяне власти цинского правительства, если поступит приказ, возвратиться на прежние места. Число эмигрантов, не желающих следовать в Улясутай, проживающих в Тургене и в Тучуреке, составляло около 1500 человек мужчин и женщин разных возрастов. Причиной такого заявления, с точки зрения Колпаковского, были значительные потери данных выходцев дунганского восстания, в число которых входило много близких им людей, павших жертвами восстания, а также большое количество имущества, богатые стада, которые были отняты казаками, бежавшими из России. Эмигранты надеялись на то, что, оставаясь в России, они рано или поздно смогут вернуть хотя бы некоторых родственников и хоть часть имущества, так как «при изменении дел не в пользу восстания все бежавшие казахи будут искать спасения в соединении со своими родовичами, кочующими в русских пределах...». С уходом же в Улясутай надежду эту они считали потерянной. В случае принятия эмигрантов в подданство России предполагалось разрешить им разместиться в Тургене и заняться хлебопашеством, за исключением мастеровых, которые могли бы переехать в Копал или Верный.

В результате своих рассуждений Колпаковский приходит к выводу о том, что «хотя оставление их (китайских эмигрантов. – В.Т.) в наших пределах по уважению к описанным обстоятельствам было бы не только человеколюбиво, но и законно, во всяком же случае обстоятельство это может быть разрешено только через сношения с Пекинским правительством, в противном случае правительство это всякое действие наше, какими бы гуманными причинами оно не было вызвано, объясняя как меру, парализующую его распорядка, не может оставаться к нему равнодушным и при случае не упустит вознаградить себя насчет торговых и политических наших интересов» [4, л. 2]. Для того чтобы оставление эмигрантов в России отрицательно не повлияло на взаимоотношения с Китаем, военный губернатор Семиреченской области предлагал осведомить пекинский правительственный орган, что «их подданные могут быть обучаемы здесь военному делу, которое не должно переходить за пределы одиночной выправки и шереножного строя». С этой целью им предполагалось выдать не более сотни старых ружей, списанных на лом, и на продажу аукционным порядком. Таким образом, были бы удовлетворены просьбы эмигрантов о выдаче оружия в связи с ограблением

у них последнего инсургентами. Кроме того, Колпаковский ходатайствовал о выдаче эмигрантам денежного пособия в размере 15 рублей для офицерской семьи, а остальным по 10 рублей, и покупке небольшого количества ручных земледельческих инструментов, 300 четвертей пшеницы и 50 четвертей овса на семена, «раздача которых должна быть произведена пропорционально со средствами каждого эмигранта» [4, л. 3об.]. На покупку семян и инструментов, а также на выдачу денежного пособия требовалось 2 тыс. руб. серебром. Эта незначительная затрата, по мнению Герасима Алексеевича, смогла бы окутиться за счет трудолюбивых и недорогих мастеров и рабочих. Кроме того, эмигранты пообещали сдавать излишки хлеба в пограничный отряд, избавляя тем самым казну от дорогой его поставки из отдаленных магазинов.

Взгляды Колпаковского, высказанные по поводу размещения китайских эмигрантов на территории России, были учтены генерал-губернатором Туркестанского края К.П. Кауфманом, в связи с чем было сделано следующее: тем из эмигрантов, которые не желали принять подданство России, разрешалось заниматься, если они будут согласны, военной выправкой. Для этой цели им могут быть розданы старые, негодные для употребления ружья, не более 100 штук, под расписку, с обязательством возвратить их по первому требованию¹. Однако Кауфман выражал свое несогласие с идеей о выдаче эмигрантам пособия, так как считал, что эти люди не останутся в России на такое долгое время и расходы на их содержание вряд ли восполнятся. Но для эмигрантов, пожелавших принять русское подданство, было сделано исключение: им предполагалась выдача пособия, только сумма его еще не была определена. «Эмигрантам, желающим поступить в подданство России, предложить тотчас же поселиться на местах, которые и отвести им преимущественно в Токмакском уезде. Выбрав для этого место, нужно будет определить приблизительно, сколько семейств может быть поселено там и с каким наделом, без стеснения кочевников киргизов. Эмигранты эти, принимая подданство, должны быть поставлены в такое положение, чтобы они чувствовали себя обеспеченными и успокоенными под покровительством русских законов, а также сознавали тотчас, что прежнее начальство их не имеет над ними никаких прав», – писал Кауфман [4, л. 16].

В журнале политических и военных событий на границе Семиреченской области с Западным Китаем сообщалось, что в этом же 1868 г. «китайские солонь» покинули Верненский и Копальский уезды и, прозимовав под станицей Урджарской, перешли летом 1869 г. поближе к границе, к месту расположения Южно-Торбагайского отряда в урочище Кок-Тума, но дожидаться китайского отряда, обещанного для сопровождения их на Барлытогой, так и не смогли. «Положение этих солонь, лишившихся скота от поваль-

¹ В тексте приказа Туркестанского генерал-губернатора К.П. Кауфмана объяснялось, что ружья даются эмигрантам для того, чтобы они могли продолжать свое обучение, которое должно происходить без сборов (СМ. [4, л. 15])

ной болезни и получающих от своего правительства мало денег на покупку хлеба, весьма бедственное», – писал Колпаковский. Поселиться в оставленном Чугучаке, боясь дунган, солонь отказались. Живущие недалеко от Борохудзирского отряда на российской территории солонь обращались с просьбой поселиться в брошенных городах Чецзи, Чичикане и Самале и для их защиты подвинуть Борохудзирский отряд за эти города. Разрешение на поселение им в этих городах было дано, однако в движении отряда за пределы российских владений было отказано. Вследствие этого солонь, боясь таранчей, не решались уйти в Чичикан, Чецзи и Самал. Предводитель данных солонь Дечин, неоднократно пытался добиться содействия со стороны пограничной администрации в борьбе против таранчей, обещаясь принять российское подданство и оказать вооруженную помощь со своей стороны и со стороны подвластных Кульдже солонь и калмыков. Настойчивость в его действиях была вызвана необходимостью выручить из плена находящегося в Кульдже его сына. Однако эта просьба была отклонена [5].

У русского правительства имелись некоторые планы насчет этих эмигрантов в деле занятия Илийского края. Но илийский цзянь-цзюнь (генерал-губернатор. – В.Т.) Жун в ответ на просьбу русского правительства о содействии нашему отряду со стороны борохудзирских и бахтинских эмигрантов сказал, что ждет войска из Пекина и по их прибытии поспешит с ними к Кульдже. Военный губернатор Семиреченской области Колпаковский, анализируя данные о малочисленности китайских эмигрантов, считал помощь с их стороны несущественной. Так, например, в своем донесении Кауфману от 12 июня 1871 г. он писал: «Что касается до содействия нам со стороны проживающих в Семиреченской области китайских эмигрантов, то, к сожалению, помощь эта может быть самая ничтожная, потому что эмигрантов находится на Бахтах только с небольшим 1000 душ, при этом, по большей части, несовершеннолетних и женщин, так как взрослые мужчины вызваны китайцами в г. Кобдо для службы против угрожающих этому городу инсургентов, и затем на Борохуцзире менее 1000 душ, всего около 2000 душ, которые могут выставить едва ли свыше 200 воинов, требующих вооружения, ибо они не имеют его и только некоторые из них вооружены луками и стрелами» [6, л. 3].

22 июня 1871 г. русскими войсками была занята столица Илийского края Кульджа. Было организовано временное управление Кульджинским районом, состоящее из четырех начальников участков, подчиненных непосредственно начальнику Семиреченской области. Для того чтобы не возбудить преждевременное волнение в населении Кульджинского района в связи с передачей последнего китайским властям и приезда цзянь-цзюня Жуна в г. Верный, а тем более в Кульджу, местом для переговоров с Жуном был

избран город Сергиополь. Цзянь-цзюнь Жун приказал собранным в Бахтах по просьбе Цинского правительства китайским эмигрантам переселиться в Чугучак и приступить к восстановлению крепости и города. Проезжая через станицу Урджарскую, посланный Жуном чиновник Дужантай распорядился о заготовлении там 10 тыс. пудов хлеба, как выяснилось позже, для возвратившихся на Бахты к Чугучаку с Барлытогоя и от Зайсанского поста нескольких сотен китайских эмигрантов [9, л. 159об.]. Весной 1872 г. из Улясутая в Чугучак прибыл транспорт с оружием и военными припасами. Все это, по мнению Колпаковского, свидетельствовало «о намерении Жуна образовать в Чугучаке военный пункт из вооруженных китайских эмигрантов, взятых из Бахтов, для действий на умы пограничных киргиз и кульджинского населения... давало китайцам важную точку опоры при будущих переговорах о границе, ибо они могли бы ссылаться на фактическое занятие ими долины Эмиля» [2, с. 135]. В результате подстрекательской деятельности цзянь-цзюня Жуна переселение китайцев в Кульджу, Шихо и другие города стало более заметным. Таким образом, количество перешедшего населения на китайскую территорию уже выходило за рамки одной тысячи [5]. В августе 1873 г. цзянь-цзюнь Жун для поддержания своего влияния среди эмигрантов прислал для раздачи племенам сибо, китайцам и калмыкам 4 тыс. лан серебра. Львиная доля этих средств была передана бывшему укурдаю сибо Кармане¹.

Часть войск цзянь-цзюня Жуна, видимо, сформированных для контроля над ситуацией в Кульджинском районе, состояла из китайских эмигрантов. Так, один из лагерей войска занимали сибо-солоны, другой – китайцы и третий, достраивавшийся еще в октябре 1873 г., – гиринские маньчжуры. Как уведомлял Герасим Алексеевич: «Преобладающие занятия этого войска – курение опиума, потребление дзюнь-дзюню

(китайской водки) и игра в кости. Люди имеют истощенный вследствие такой жизни вид, вялы, лишены всякой воинственности, малосильны, неряшливы и оборваны. До третьей части солдат вооружено штуцерами, остальные имеют только кремневые ружья, а сибо и солоны остались даже при одних луках со стрелами. Содержание этого ненадежного войска должно обходиться китайскому правительству весьма недешево, потому что цены на все в Шихо весьма высоки, особенно на хлеб, который доставляется из Джинхо, Такиянзы, от подведомственных нам чахаров и даже из Кульджи». Также можно прибавить к характеристике данного войска такую черту, как дезертирство, особенно часто встречающееся у солдат из кульджинских китайцев и сибо, «привлеченных на службу обещаниями золотых гор». При неожиданном известии о разграблении Бурул-Тогоя восставшими дунганями и о движении их к Манасу цзянь-цзюнь Жун, за неимением войск в Чугучаке (почти все войско, составляющее около 1500 человек, было отправлено в Шихо), выставил 300 человек сибо и солон, вооруженных только луками и стрелами, в 50 верстах севернее Чугучака. Этот немногочисленный отряд простоял там без каких-либо инцидентов приблизительно неделю, а потом был возвращен. Можно сделать соответственный вывод об эффективности участия китайских эмигрантов в подавлении антицинского восстания, вызванных на помощь китайскому правительству.

Уже в конце 1860-х гг. наблюдался отток не принявших русского подданства эмигрантов с территории России в пределы Цинской империи через Западную Монголию. В дальнейшем китайцы также переходили через границу, спасаясь в России от восстаний. Часть из них принимала русское подданство, другие же ехали в Ургу через Семипалатинск и Омск [1, с. 2]. После восстановления цинской власти в Синьцзяне большинство китайских эмигрантов, причисленные к казачьему сословию, захотели вернуться в Китай. В газете «Восточное обозрение» отмечено, что весной 1883 г. бежала в Китай из Сарканской станицы Семипалатинской области 51 семья (около 200 человек) сибо и калмыков. Р. Закржевский писал, что в 1885 г. около 60 семей, преимущественно сибо, бежали разными путями в Китай. Среди них и зажиточные, даже церковный староста, в качестве причин бегства называли долговую кабалу и неприязненные отношения с русскими казаками [1, с. 3].

В результате исследования мы пришли к выводу о том, что вопрос о китайских эмигрантах, возникший в результате антицинского восстания, мог привести к негативным последствиям, связанным с непониманием китайской стороной сути действий российских властей и в связи с этим зарождения Илийского кризиса. На наш взгляд, вопрос об эмигрантах мог стать одним из факторов, повлиявших на возникновение и развитие этого кризиса.

¹ Кармана – маньчжурский чиновник, который был смещен царским правительством с должности за сотрудничество с китайскими властями и исполнение их распоряжений о высылке людей на службу в Шихо и сборе скота, сельскохозяйственных орудий и т.п. В дальнейшем он вообще был удален с территории Кульджинского района, так как своими действиями тревожил мусульманское население. Что касается переписки Карманы с цзянь-цзюнем Жуном, то в ней было обнаружена информация о возведении его в сан мин-амбана при предоставлении ему Жуном полномочий управления всем населением Кульджинского района. Однако власть его признавала в негласной форме только сибо и некоторые калмыцкие племена. Во время ареста Кармана тайно переписывался с Жуном и другими китайскими амбанами. В каждом письме Кармана просил о скорейшем приходе китайских войск на Или после занятия Урумчи и Манаса. Интересно отметить, что Кармана был доволен занятием русскими Кульджи только в том отношении, что они освободили сибо от власти таранчей и что они поддерживают в краю полный порядок и спокойствие. Главным предметом его недовольства было обложение сибо податью. [5, л. 235–236об.].

Библиографический список

1. Дацышен, В. Формирование китайской общины в Российской империи (вторая половина XIX в.) / В. Дацышен [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mion.isu.ru/pub/russ-ost/diaspr/5.html>.
2. Моисеев, В.А. Россия и Китай в Центральной Азии (вторая половина XIX в. – 1917 г.) / В.А. Моисеев. – Барнаул, 2003.
3. С-Пб. гл. арх. м. и. д. Аз. деп. 1867 г. №17 (I-9). Туркестанский край... – Ташкент, 1915. – Ч. 2.
4. Центральный государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК). – Ф. 44. – Оп. 1. 1868 г. – Д. 5.
5. ЦГА РК. – Ф. 44. – Оп. 1. – Д. 5649.
6. Российский государственный военно-исторический архив. – Ф. ВУА. – Д. 6842.